

ИСТОРИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ: НЕМЦЫ-КОЛОНИСТЫ НА КУБАНИ

THE HISTORY OF NATIONAL RELATIONS: THE GERMAN COLONISTS IN THE KUBAN

Yu. Rager

Annotation

The article analyzes and assesses the historical events associated with the resettlement of the Germans in the Kuban. For more than half a century the material is the analysis of the relations between the authorities and agricultural societies of immigrants from Germany. The author comes to the conclusion that from the very beginning of their appearance in this region was associated with the national tasks of agriculture and economic development. Change of moods and tasks of government change, sometimes dramatically, living conditions and activities of the colonists.

Examines the stages since the beginning of the relocation and establishment of the first "columns" of the Germans and until the early 30-ies of XX century. When the state policy of support of the colonists were finally phased out.

Special attention is paid to the role of local authorities in the life and activities of the agricultural colonies.

The obtained data can serve as an additional source of information on the socio-economic development of the Kuban during the second half of XIX – 30s of XX centuries.

Keywords: German agricultural societies, a new economic policy, a "face to the village" policy, collectivization, a food crisis.

Рагер Юрий Борисович

К.и.н., доцент,

*Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия*

Аннотация

В статье анализируется и дается оценка исторических событий связанных с переселением немцев-колонистов на Кубань. На более чем полувековом материале делается анализ взаимоотношений власти и земледельческих обществ переселенцев из Германии. Автор приходит к выводу, что с самого начала их появление в данном регионе было связано с общегосударственными задачами подъема культуры земледелия и ускорения экономического развития. Смена настроений и задач власти меняло, порой кардинально, условия жизни и деятельности колонистов.

Рассматриваются этапы с момента начала переселения и становления первых "колонок" немцев-колонистов и до начала 30-х годов XX века. Когда государственная политика поддержки колонистов была окончательно свернута.

Особое внимание уделяется роли местной власти в жизни и деятельности земледельческих колоний.

Полученные данные могут служить дополнительным источником сведений о социально-экономическом развитии Кубани в период второй половины XIX – 30-х годов XX веков.

Ключевые слова:

Немецкие земледельческие общества, новая экономическая политика, политика "лицом к деревне", коллективизация, продовольственный кризис.

Немецкие переселенцы появились в казачьем крае благодаря Высочайшему указу от 20 мая 1852 г. По нему на казачьих землях из общегосударственного фонда выделили два участка в 926 и 1053 десятины земли в Ейском отделе (на берегу Ейского лимана и на берегу Азовского моря) [1]. Жители обеих колоний, получивших названия соответственно Александровфельд (впоследствии село Александровское) и Михельфельд (впоследствии селение Воронцовское), стали полноправными гражданами Кубани. Они развили активную хозяйственную деятельность. Располагая первоначально относительно небольшим количеством земли, они уже в 70–80-е гг. стали активно скупать землю, сконцентрировав по 30–70 десятин и более у одного хозяина.

Таким способом было скуплено несколько участков в станице Должанской [2].

Создавались полноценные фермерские хозяйства, которые в некотором смысле сливались с общей массой кубанских собственников-помещиков. Колонисты заняли своеобразное промежуточное положение между основной массой кубанских земледельцев и помещичьей верхушкой, при этом продолжая составлять обособленную по национальному признаку группу. Это своеобразное особое положение сохранялось и дальше.

Через 15 лет после основания первых двух немецких колоний пришла новая волна переселенцев (из Бессарабии и Таврической губернии). Они были поселены опять же по Высочайшему указу 1867 г. [20].

Наряду с официальным, организованным переселением шел процесс стихийного переселения. С конца 60-х гг. XIX столетия на Кубани появились мелкие "колонки"

арендаторов в Ейском и Кавказском отделах. Основным занятием этих колонистов было также земледелие, но на правах аренды войсковых и частновладельческих земель и работа по найму. Хозяйственные права и возможности этих колонистов были несравненно меньшими, чем у переселяемых государством, и земельные наделы они имели значительно меньшие. Если средний надел первых "колонок" обоих отделов равнялся 20–21 десятина на семью, то в "колонках" арендаторов он колебался от 10 до 12 десятин земли [3]. Поселения арендаторов насчитывали в среднем 3–10 дворов. Со временем положение в "колонках" несколько выровнялось. Однако оно по-прежнему оставалось различным, что сказалось на дальнейшей их судьбе.

После 1868 г. произошли некоторые изменения в географии и характере расселения вновь прибывших групп колонистов. Прежде всего они стали селиться на частновладельческих землях, скупая их у казачьей старшины, не имевшей возможности хозяйственно освоить полученные от государства значительные участки недвижимой собственности. В 1868 г. из Бессарабии в Кавказский отдел явилась партия переселенцев и поселилась на левом берегу Кубани в полосе частновладельческих участков войску не принадлежавших, в так называемой "Закубанской равнине". Они основали довольно крупную колонию Эйгенфельд (впоследствии село Ванновское) на участке в 1506 десятин, принадлежавшем ранее генералу Головину. Другие 50 семейств осели на участке 1018 десятин генерала Кравцова и создали колонию Розенфельд (впоследствии село Шереметьевское) [4].

Характерной чертой социально-экономического развития хозяйств было компактное расселение (селились только национальными общинами, не смешиваясь с местными жителями); все земли поступали в частную собственность каждого конкретного хозяина. Интересен сам процесс покупки земли. Покупателями от лица переселенческой общины выступали несколько наиболее богатых и авторитетных колонистов, купавших весь надел продаваемой земли. В дальнейшем земля перераспределялась путем продажи участков всем хозяйствам колонии [5].

Характер и формы хозяйственной деятельности не отличались у немцев-колонистов от тех, которые были традиционными на Кубани.

В этом смысле интересные сведения содержатся в докладе помощника волостного старшины о народных промыслах и заработках жителей колонии Михаэльфельд Темрюкского отдела за второе полугодие 1888 г. [6]. Основные их занятия – виноделие и хлебопашество, а также ремесла и торговля. Отличия в хозяйствовании по сравнению с основной массой кубанцев прослеживаются в интенсивности и качестве труда.

Целый ряд прямых и косвенных свидетельств говорят о том, что процесс водворения колоний в данном регионе проходил на солидной основе [7]. Немцы-колонисты пришли на Кубань со значительными капиталами и необходимым сельскохозяйственным инвентарем (это касается прежде всего крупных колоний). Большинство вновь создаваемых хозяйств были крепкими, ориентированными на рынок, с высоким для того времени уровнем культуры земледелия, технологии и техники [9].

Основу развития и процветания хозяйств немцев-колонистов современники видели, помимо хорошего инвентаря и солидного первоначального капитала, в отсутствии дробления хозяйств, так как земельный надел переходил от отца к старшему сыну. Остальные наследники получали долю в виде денежных средств [13]. Это влияло на укрепление хозяйств, однако не было определяющим и достаточным.

Столь многообещающее развитие было прервано политическими событиями, потрясшими всю страну. Экономическая основа жизни кубанских немцев была подорвана началом первой мировой войны. Являясь гражданами России, они тем не менее были избраны объектом политической травли, развернувшейся с первых дней войны. Стихийно, под шум политических лозунгов, прошла волна самозахватов хозяйств немцев-колонистов местными жителями. После указа от 2 февраля 1915 г., в одном из пунктов которого было предусмотрено переселение российских граждан немецкой национальности из прифронтовых районов, под земельные изъятия и грабеж была подведена правовая база [10].

Дальнейшие события доказывают, что политическая подоплека событий имела второстепенное значение. Желание поживиться за счет богатых соседей инородцев было главным мотивом. В это время крупные фермерские хозяйства немцев-колонистов фактически исчезли навсегда. Сохранились только мелкие крестьянские хозяйства уже не имевшие никакой поддержки от государства.

События революции и Гражданской войны, а затем еще в большей степени голод 1921 г. оказали серьезное негативное влияние на развитие немецких колоний, поставив некоторые из них за грань существования.

И Кубанская Рада, и Советская власть решали земельные притязания своих сторонников в том числе за счет земельных наделов немецких колоний. Историческая борьба между казаками и иногородними в условиях Гражданской войны поставила немцев-колонистов между двух огней. Обе сменявшие друг друга власти в условиях Гражданской войны лишали земледельческие общества в принудительном порядке земли, создавали невыносимые условия существования [18,21].

Практика первых лет существования советской власти после Гражданской войны уже в условиях новой экономической политики на Кубани мало чем отличалась от предыдущей. При проведении внутриселенного и особенно межселенного землеустройства проблему нехватки земли или выделения более удобных и плодородных земель решали за счет колонистов. Им урезали и без того небольшие наделы, сгоняли на неудобные и малоплодородные земли. Это происходило, в частности в Кавказском отделе [14,19]. На беспартийной конференции немцев-колонистов в докладе начальника окружного землеустроительного управления Армавирского округа Чугулина прямо указывалось, что: "... в 1920 г. все земли были захвачены крестьянством и только с 1923 г. начали хозяйственно распределять землю" [30]. Нехватка земли у немецких земледельческих обществ и впоследствии была значительной (землю, отобранную незаконно у колонистов, не спешили отдавать, предлагая им переселиться с прежних нажитых мест на целину). В середине двадцатых годов сообщалось, что многие культурные хозяйства немецких сел буквально вымирают вследствие малоземелья [8].

Не смотря на перечисленные трудности земледельческие общества немцев-колонистов, сохранились и их было не мало. На некоторых территориях они составляли значительную часть населения. В период новой экономической политики немецкие земледельческие колонии на территории Кубани располагались в основном компактно в пределах Кавказского и Лабинского отделов (это не исключало, конечно, существования отдельных поселений в других частях Кубани). По данным 1920–1921 гг., на территории Кубано-Черноморской области в указанных отделах проживали 21212 человек немецкой национальности из 71172 немцев, проживавших в Юго-Восточном крае [15].

Наличие компактно проживающих немцев дало возможность сформировать в апреле 1923 года на данной территории Ванновскую волость со значительно преобладающим немецким населением. 2 июня 1924 года в рамках общей административно-территориальной перестройки волость была упразднена. Но 28 февраля 1928 года был образован Ванновский район который просуществовал до 4 мая 1941 года, когда он уже был упразднен окончательно [16].

В 1929 году из 17 населенных пунктов составляющих Ванновский немецкий район 7 были немецкими, 4 украинскими и 6 со смешанным населением [21]. Первоначально власть в условиях нэпа относилась к немцам безразлично. Местные органы власти больше интересовала борьба с белозелеными. О решении социальных вопросов и помощи местному населению не было и речи. Некоторая либерализация режима в условиях политики "лицом к деревне" изменила существовавшее положение.

Требования экономической целесообразности и выдвижение практических задач всемерного поднятия производительности труда в сельском хозяйстве заставили власти внимательно отнестись к опыту ведения сельскохозяйственного производства в хозяйствах немцев-колонистов. Перенимать опыт и учиться у них было чему, несмотря на пережитые ими трудности. В эти же годы на территории Ванновской волости весной 1924 года была создана советско-германская концессия "Друзаг". Она создавалась именно здесь не случайно. Потому что все работники концессии, если не считать 4–5 представителей германии в её руководстве, были местные немцы-колонисты. Это было крупное общегосударственного масштаба опытное семеноводческое хозяйство, в котором выращивали пшеницу, подсолнечник, разводили лошадей и крупный рогатый скот [23,32].

1923–1924 хозяйственные годы выдались на Кубани урожайными. Это послужило хорошей основой для подъема экономики немецких хозяйств. В резолюциях земледельческих обществ указывается на серьезный хозяйственный рост всех хозяйств, в том числе и бедняцких [24].

Власти стремились поощрить культурные немецкие хозяйства предоставлением дополнительных земель, установлением налоговых льгот и активной переселенческой политикой.

Уровень развития хозяйства в немецких земледельческих обществах был значительно выше среднего уровня по области. Во время инспекционной поездки представителя края осенью 1925 г. по концессиям и земледельческим колониям, населенным немцами, было отмечено, что урожаи в немецких хозяйствах в полтора раза выше, чем у других [11]. И это, несмотря на то, что они располагали худшими землями, и количество земли было ограничено. Это подтверждают данные доходности двух немецких поселков (Джигинка и Пуленково), находящихся в Черноморье. Более половины хозяйств имели наивысший в данной местности годовой доход на одного эдока – свыше 100 рублей (без учета неземледельческих заработков) [25].

В 1927–1928 годах наметился перелом в отношениях между властью и населением немецких земледельческих обществ в худшую сторону. Власть перестала мириться с тем положением, что немцы, довольно лояльно относившиеся к местным органам власти, тем не менее, на широкое сотрудничество не шли. Среди них почти не было партийно-комсомольского актива, и на это часто жаловались проверяющие колонии представители власти. Они указывали на то, что наличие комсомольских групп и партийных организаций было незначительным, причем состояли они почти целиком из представителей других национальностей и авторитета среди немцев не имели никакого [26]. В

таким крупном хозяйстве как советско–германская концессия "Друзаг" была создана и просуществовала на протяжении всех лет деятельности одна из самых больших в районе партийных организаций. Правда партийцы все годы не переставали жаловаться, что с их мнением руководство концессии никогда не считается и заставляет работать всех с полной отдачей [28]. Традиционная опора на бедняка и противопоставление его зажиточным и кулакам не срабатывала. На заседании бюро Ванновского райкома ВКП(б) 26 мая 1928 года отмечалось что: "... в вопросах хлебаготовки часть бедноты защищает кулака" [29]. Те, кто мог считаться бедняком, на сотрудничество не шли. Кроме того, они начали высказывать серьезные претензии власти. Из протокола заседания бюро Ванновского райкома ВКП(б) отмечается, что в настроении беднячества преобладает "отрицательное отношение к организации колхозов...", "выступающие (бедняки) доказывают, что население теперь живет хуже, чем в царское время" [29]. Значительная часть немцев колонистов имели небольшие наделы (около 1,25 десятины на человека), однако при этом отмечалось, что сами хозяйства представляют собой очень развитый организм с высокой культурой сельскохозяйственного производства [27].

При оценке хозяйственного положения Ванновского района и своего отношения к хозяйствам немцев власть, для оправдания своих неудач, с одной стороны указывает на их общую экономическую слабость: "...Принимая во внимание географическое и экономическое положение района: радиус 15 верст, 2500 сельскохозяйственных дворов из коих 22% бедноты (безлошадных), 30% маломощных середняков. Эти хозяйства пока являются потребительскими хозяйствами и лишь 48% хозяйств полупомещичьи..." Но с другой стороны есть и признание наличия экономически сильного ядра хозяйств, с которым они не могут справиться: "...В Ванновском районе ...есть 31 хозяйство полупомещичьего типа, которые держали в руках все другие хозяйства. Все это повлияло на всю работу." [28].

Разразившийся осенью 1927 – весной 1928 гг. продовольственный кризис и сопутствующие ему репрессивные действия власти коснулись немцев лишь отчасти. Причина этого в отсутствии больших задолженностей по государственному заготовкам и выплате сельскохозяйственного налога. При этом компания по коллективизации хозяйств немцев колонистов в 1928 году была фактически сорвана. К осени 1928 года было создано в районе формально 54 коллективных хозяйства.

В среднем на хозяйство приходилось от 12 до 22 человек и от 50 до 100 гектар земли. Были и совсем небольшие – не более 8 работников. При этом только два хозяйства обработку земли вели как сказано в отчетах "общественным порядком". Остальные фактически работали на своих полях самостоятельно. Значительная часть созданных хозяйств были лжекооперативами, созданными исключительно для получения и использования сельскохозяйственного кредита. Таковыми при проверке в том же году оказались колхоз виноделия "Вайс Виршафт" и колхоз "Овцевод" [29].

Весной 1929 года представителями власти начала проводиться массовая коллективизация в немецких поселках. Но уже весной 1930 года по решению местных властей коллективизация среди немцев была приостановлена по причине массовой эмиграции их с Кубани в Германию. По этим же причинам в установленные сроки не была проведена ликвидация зажиточных хозяйств. Местные власти объяснили свои действия политическими соображениями – негативным отношением к этому всего немецкого населения [12, 32].

Последующая судьба земледельческих обществ немцев–колонистов существенным образом не отличалась от судьбы крестьянства Северного Кавказа в целом. Тем более, что после массовой эмиграции в Германию в начале 30-х годов их численность значительно уменьшилась.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р–1547. Коллекция В. М. Миронова. Оп. 1. Д. 316. Л. 60.
2. ГАКК. Ф. 249. Оп.1. Д. 2260. Об основании близ г. Ейска немецкой колонии Александровская. Л. 15–16.
3. ГАКК. Ф. 418. Управление атамана Темрюкского отдела Кубанской области. Оп. 1. Д.2. Циркуляры МВД и Кубанского областного правления. ... Л. 144.
4. ГАКК. Ф. 1547. Оп. 1. Д. 31. Л. 61 об.
5. ГАКК. Ф. 449. Оп. 2. Д. 1479. Об образовании в Темрюкском уезде селения Михельфельд. Л. 42.
6. ГАКК. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2. Л. 144 – 145.
7. ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 337. Материалы о поселении в Урупском округе колонии Фриденсталь из поселенцев Бессарабской области. Л. 11.
8. ГАКК. Ф. Р–686. Оп.1. Д. 2157. Л. 416. Д. 2156. Л. 38.
9. Городецкий Б. Кубанские немцы и закон 2-го февраля – о немцах–колонистах на Кубани // ГАКК. Ф. Р–1547. Оп. 1. Д. 31. Л. 89–90.
10. Государственный архив Ростовской области. Ф. 1485. Оп. 1. Д. 64. Л. 90–91 а.
11. Заднепровская Е.Л. Зарубежный опыт возрождения депрессивных территорий /Е. Л. Заднепровская, А. А. Юрченко // Туризм: гостеприимство, спорт, индустрия питания: Материалы II Всерос. науч.–практ. конф., г. Сочи (26–28 октября 2016 г.). – Сочи: РИЦ ФГБОУ ВО "СГУ", 2016. – С. 18–21.
12. Колокольцев С. Национальный состав Юго–Востока //Юго–Восток. – 1924. – Март. – П. 3. – С. 76–81

13. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793 – 1985 гг.) / Гос. архив Краснодарского края; Сост.: А. С. Азаренкова, И. Ю. Бондарь, Н. С. Вертышева. – Краснодар: Кн. изд-во, 1986. С. 68, 77, 94, 116–117.
14. Празднование 25-летнего юбилея села Ливонского //Кубанские областные ведомости. – 1899. – П. 130. – Л. 2.
15. Рагер Ю.Б. Восстановление экономики Кубано–Черноморской области после Первой мировой и Гражданской войн /Ю. Б. Рагер // Научные труды Кубанского государственного технологического университета. №9. – Краснодар: КубГТУ, 2016. – С. 227–236.
16. Рагер Ю.Б. Проблемы развития промышленности Кубани и Черноморья в годы НЭПа (1921–1928 гг.): дисс. ... канд. ист. наук по специальности 07.00.02 / Ю. Б. Рагер. – Краснодар.: КубГУ, 2005. – 216 с.
17. Самсоненко Т.А. Сельская интеллигенция в эпоху великого перелома: особенности материального положения и социальной реакции (на материалах Юга России) /Т.А. Самсоненко // Вестник Московского государственного областного университета. Серия "История и политические науки". – 2019. – № 3. – С. 89–94.
18. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 12. Армавирский округ. оп. 1. Д. 55. Л. 44.
19. ЦДНИКК Ф–493. ОП. 1, Д. 24. Л. 1.
20. ЦДНИКК Ф–494. ОП. 1, Д. 1. Л. 15.
21. ЦДНИКК. Ф. 12. ОП.1, Д. 55. Л. 37.
22. ЦДНИКК. Ф. 9. ОП. 1. Д. 763. Л. 89.
23. ЦДНИКК. Ф. 494. ОП. 1. Д. 7. Л. 49.
24. ЦДНИКК. Ф. 493. ОП. 1. Д. 16–23.
25. ЦДНИКК Ф–493. ОП.1. Д. 7. Л. 70.
26. ЦДНИКК Ф–493. ОП.1. Д. 7. Л. 72, 73.
27. ЦДНИКК. Ф. 12. ОП.1. Д. 55. Л. 36.
28. ЦДНИКК Ф–493, ОП. 1. Д. 7. Л. 44–44 об.
29. ЦДНИКК. Ф. 21193. ОП. 1. Д. 8. Л. 9–12.
30. Юрченко А.А., Рагер Ю.Б. Территориально–производственные комплексы на Кубани: историко–географический аспект /А.А. Юрченко, Ю.Б. Рагер // Достижения и проблемы современной науки /Сборник публикаций научного журнала "Globus" по материалам XXVII международной научно–практической конференции (08 января 2018г.). – г. СПб: Научный журнал "Globus", 2017. – С. 5–13.

© Ю.Б. Рагер, (Rager_U_B@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

XXIX Международный конгресс по обогащению полезных ископаемых IMPC–EXPO2018.

Основные темы

- Технологическая минералогия.
- Измельчение и классификация.
- Физические методы обогащения – гравитационное обогащение, магнитная и электрическая сепарация.
- Химия поверхности. Фундаментальные основы флотации. Флотационные реагенты. Технология флотации.
- Переработка тонкодисперсных продуктов и шламов.
- Гидрометаллургия и технологии бактериального выщелачивания.
- Экологические проблемы и утилизация минеральных отходов.
- Моделирование технологических процессов.
- Окомкование, агломерация и спекание.
- Обезвоживание.
- Средства инструментального контроля и передовые модели интеллектуального управления.

Москва 15 – 21 сентября 2018. Центр Международной Торговли

